

В.Н. Брюшинкин

О ЗНАЧЕНИИ РАЗЛИЧЕНИЯ СУБЪЕКТНЫХ И ПРЕДИКАТНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ У
И. КАНТА И П.Ф. СТРОСОНА¹

Анализируются критерии различений субъектных и предикатных выражений в контексте поиска способов взаимодействия формальной и трансцендентальной логики. Ставится проблема ограничения выводов формальной логики определенными условиями, накладываемыми трансцендентальной логикой и обусловленными метафизическими соображениями. С этой точки зрения рассматривается то новое, что привносит в решение проблемы различения субъектных и предикатных терминов дескриптивная метафизика П.Ф. Стросона. Повергаются анализу грамматический, категориальный и «средний» критерии различения такого рода выражений. Результаты анализа применяются к кантовской трактовке соотношения формальной и трансцендентальной логики.

This article analyses the criteria for distinguishing subject and predicate expressions in the context of identifying the forms of interaction between formal and transcendental logic. The author poses the problem of limiting the inferences of formal logic by certain conditions set out by transcendental logic and determined by metaphysical considerations. From this point of view, the author considers the contribution of P.F. Strawson's descriptive metaphysics to the solution to the problem of distinguishing subject and predicate expressions. This article analyses the grammatical, categorical, and "intermediate" criteria for distinguishing such expressions. The results of the analysis are applied to Kant's interpretation of the correlation between formal and transcendental logic.

Ключевые слова: *логика, дескриптивная метафизика, субъект, предикат, субстанция, акциденция, партикулярия, универсалия.*

¹ Статья представляет собой результат исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 08-03-00458а «Аналитическая интерпретация трансцендентальной философии П. Стросона».

Key words: *logic, descriptive metaphysics, subject, predicate, substance, accident, particular, universal.*

Субъектно-предикатная структура высказываний – традиционная форма анализа простых высказываний естественного языка, которая со времен Аристотеля стала основной структурой высказываний логических языков и была пересмотрена только в середине XIX века Готтлобом Фреге. На основе этой структуры высказываний строили свою метафизику Аристотель, Лейбниц, Вольф. Уже Аристотель связал категорию грамматического и логического субъекта высказывания с категорией субстанции. Эта связь логико-грамматической и философски-метафизической категории имела место во многих метафизических концепциях. Существенное продвижение в направлении связи логики и метафизики было сделано И. Кантом, который в метафизической дедукции категорий «выводит» свои двенадцать категорий из форм суждений. Однако еще более важное значение имеет связь категории логического субъекта с категорией субстанции в рамках рассмотрения способа работы трансцендентальной логики.

Анализ кантовских текстов показывает, что общая логика выводит из данных общих знаний (категорических суждений) любые возможные следствия *без различия предметов, к которым эти знания применяются*. Общая логика применима как к суждениям рассудка, так и разума, как к эмпирическим, так и к чисто априорным суждениям, как к аналитическим, так и к синтетическим суждениям. Трансцендентальная логика ограничивает область применения выводов общей логики. Не обладая собственным аппаратом вывода², трансцендентальная логика при помощи определенных правил "*исправляет и предохраняет* способность суждения", не ограниченную формальной логикой.

Первая функция трансцендентальной логики по отношению к выводам формальной логики состоит в ограничении множества возможных следствий из данных суждений. Не все следствия, признаваемые законными формальной логикой, являются таковыми с точки зрения трансцендентальной. Таков общий механизм взаимодействия формальной и трансцендентальной логик с точки зрения применения их к способности суждения (подробнее об этом см. в [1]). Кант основывается на тех

² Кант не строит теории трансцендентальных умозаключений, отличных от умозаключений формальной логики.

представлениях о логическом языке, которые были распространены в философии XVIII века. Этот логический язык включал в себя категорические суждения и сложные суждения, представлявшие как комбинации категорических суждений при помощи различного рода связок³. Г. Фреге отказывается от такого способа анализа высказываний, обвиняя его в том, что он сохраняет следы естественного языка, а, значит, сохраняет тенденцию к психологизму, и заменяет его на способ анализа по схеме функтор-аргумент по образцу математических языков. В XX веке в связи с появлением той ветви аналитической философии, которая строит философию на основании рассмотрения естественного языка, появляются попытки «извлечь» метафизику из естественного языка. Наверное, самой крупной такой попыткой является проект дескриптивной метафизики Питера Стросона [3].

Стросон систематически разбирает способы различения субъекта и предиката в предложениях естественного языка. Задача Стросона — исследовать особое положение партикулярий среди обозначаемых объектов: «...Когда мы говорим о вещах, которые можно обозначить, то есть о вещах вообще, партикулярии, согласно распространенному мнению, занимают среди них особое положение. Именно теорию особого положения партикулярий среди обозначаемых предметов мы и будем исследовать» [3, с. 153]. Ответ на вопрос, что может играть роль субъекта предложения, вызывает значительные затруднения. Напрашивающийся ответ: партикулярии всегда играют роль субъекта, а универсалии — предиката, наталкивается на значительные трудности. Поэтому Стросон формулирует осторожно следующее: «Пока мы просто отметим традицию, согласно которой существует асимметрия между партикуляриями и универсалиями по отношению к различению субъекта и предиката» [3, с. 154]. Стросон в отличие от Канта не пытается от *логики* перейти в метафизике, он в соответствии со своими взглядами на концептуальную систему пытается исследовать ту обычную концепцию, которая встроена в наши способы использования естественного языка. Хотя Стросон, так же как и Кант, при необходимости опирается и на логику, в частности, он заявляет: «Если современная логика, имеет то значение, которое мы склонны ей приписывать, и которое предполагается нашим современным стилем философствования, то она

³ Обзор такого рода концепций сложных суждений в логике XVIII века можно найти в [7].

должна отражать фундаментальные характеристики нашего мышления о мире. А в самом центре логики расположена обсуждаемая нами структура, «основное сочетание» (как однажды назвал ее Куайн) предикации» [6, р. 13]. В этом пассаже Стросон рассуждает практически так же, как Кант, пытаясь основывать свои представления о структуре мира на учете построения логических языков, точнее на более современной фундаментальной схеме *функтор-аргумент*, где аргумент – знак субъекта, а функтор – предиката. Здесь Стросон опирается на Фреге, который выделяет собственные имена и понятия-предикаты: «... собственное имя никогда не может быть выражением, обозначающим предикат, хотя оно может быть его частью» [4, с. 259]. Стросон пытается ввести различие между субъектными и предикатными выражениями, основываясь только на роли этих языковых структур в суждениях. Различие этих ролей в конечном счете сводится им к различию в стилях введения объектов в рассмотрение: «Мы говорили о различиях в стиле введения объектов в рассмотрение, а не о различиях между типами вводимых в рассмотрение объектов» [3, с. 185]. В этом контексте Стросон обращается «к той характеристике различения субъекта и предиката, которая обнаруживает, во-первых, подобие между субъектным выражением и предикатным выражением в том, что они оба вводят в рассмотрение объекты, и, во-вторых, существенное различие, связанное с тем фактом, что предикатное выражение, но не субъектное выражение, несет в себе символическую функцию, которая в основополагающих случаях отличает суждение от простого списка терминов» [3, с. 185-186]. Стросон называет это субстантивным и утверждающим (или пропозициональным) способами введения объектов в рассмотрение, говоря о том, что первый присущ субъектным выражениям, а второй – предикатным (см. [3, с. 183]). Такой чисто грамматический критерий, по Стросону, нуждается в дополнении критерием, который имеет дело с *типами* вводимых в рассмотрение *объектов*. Такой критерий называется *категориальным*. Обсуждая категориальный критерий различения субъектных и предикатных терминов, Стросон приходит к следующему заключению: «...можно построить смысл «предицировать», для которого верно, что можно и свободно предицировать универсалии, и предицировать им (как субъектам) другие объекты, тогда как партикулярии никогда нельзя свободно предицировать, хотя им (как субъектам) можно предицировать

объекты и они могут быть частями того, что предидируется» [3, с. 199]. Стросон показывает, что из этого критерия следует и различие Фреге и положения других авторов. Стросон осуществил проницательный анализ существовавших критериев различения субъекта и предиката и построил свои критерии – «грамматический» и «категориальный» - позволившие ему учесть существенное содержание предшествующих попыток рассмотрения этой проблемы. Однако до сих пор концепция Стросона может быть охарактеризована как усовершенствование традиционного взгляда с точки зрения достижений аналитической философии и повышенного внимания к способам употребления выражений в обычной речи с учетом достижений современной ему логики. Определенная новизна появляется тогда, когда он задается вопросом о том, когда в суждении осуществляется распознающее обозначение партикулярии. При ответе на этот вопрос у Стросона появляется новая идея, согласно которой «любое введение партикулярии в рассмотрение предполагает эмпирический факт в качестве пресуппозиции» [3, с. 233]. Рассмотрение этой новой идеи приводит к окончательному критерию различения субъектных и предикатных выражений, который «превосходно» согласуется и с грамматическим, и с категориальным критерием. Стросон предлагает «новый или средний критерий различения субъекта и предиката. Субъектным выражением является то, которое в некотором смысле преподносит факт самостоятельно и в определенной степени является завершенным. Предикатным выражением — то, которое ни в каком смысле не преподносит факта самостоятельно и в этой степени незавершенно» [3, с. 219].

Стросон так описывает традицию, к которой относится и философия Канта: «Традиционная система взглядов, которую нам приходится исследовать, сводится к теории, согласно которой партикулярии могут входить в рассуждения только как субъекты и никогда как предикаты, тогда как универсалии или вообще непартикулярии могут появляться или как субъекты, или как предикаты» [3, с. 153-154]. Отметим, что в отличие от Канта, Стросон в «Индивидах» нигде не говорит о субстанции, и это свидетельствует о специфике дескриптивной метафизики, которая формулирует концептуальную схему анализа мира, встроенную в наш обычный язык. Конкретные объекты (партикулярии) и эмпирические факты (пресуппозиции₁) составляют основу рассуждений Стросона. Однако, чтобы выяснить отношения

разработанной им в «Индивидах» концепции Стросону приходится разобраться с более традиционными взглядами, включающими метафизические в смысле ревизирующей метафизики предположениями. Не случайно, Стросон в качестве примера такой концепции выбирает именно философию И. Канта. В более поздней публикации, посвященной взглядам Канта на субстанцию он связывает проблематику различения субъектных и предикатных выражений с категорией субстанции. Для определения возможности терминов занимать место субъекта или предиката в суждении в кантовской концепции существенная связь с категориями субстанции и акциденции. Именно этим обусловлен тщательный анализ кантовской категории субстанции, который проводит Стросон. Стросон утверждает, что на первый взгляд у Канта концепция субстанции похожа на Аристотеля и Куайна: первые сущности Аристотеля, понятия о которых могут быть предикатами суждений или которые могут быть объектами референции [5, р. 271]. Говоря о понятии субстанции Стросон постоянно употребляет слово *irreducibly*, т. е. понимает субстанцию как сущность, которая несводима к другим сущностям. Стросон начинает свой анализ с ответа Канта на вопрос о формальном или логическом критерии субстанции: «Формальный критерий субстанции таков: то, что может существовать (или мыслиться) (только) как субъект и никогда как (только) предикат (или определение) чего-либо еще (или других вещей) (см. В 149, 186, 288)» [5, р. 268-269]. Как видим, концепция Канта достаточно точно выражает тот взгляд, который Стросон в «Индивидах» называет традиционным. В соответствии с этим формальным критерием субстанции, Кант, по мнению, Стросона выделяет другой – содержательный – критерий, или иначе говоря, схему субстанции, каковой он считает постоянство реального во времени. Что же, по мнению Стросона, удовлетворяет последнему критерию (постоянству реального во времени)? Стросон так отвечает на этот вопрос: «...Кант использует термин «субстанция» и как массовое существительное типа «золото» или «молоко» и как существительное разделительное, способное принимать множественное число как в «некая субстанция» и в «субстанции», полагая в последнем употреблении, что существует множественность индивидуальных вещей, которые удовлетворяют условию постоянства. Если мы ограничимся первым способом употребления, при котором «субстанция» трактуется как массовое существительное, ... <то> субстанция есть то,

что заполняет пространство и движется в нем, а именно *материя...*» [5, р. 271]. Схема постоянства во времени, по Стросону, приходит в противоречие с формальным критерием субстанции, в соответствии с которым субстанция понимается во втором смысле. С этим связан главный пункт критики Канта: «Однако Кант, хотя он, конечно, признал бы, что такие обычные индивиды как Александр и Буцефал могут представляться как субъекты предикации и действительно так представляются, должен утверждать, что они не являются *несводимыми*, но скорее, могут мыслиться как простые определения чего-либо еще; ему придется утверждать это, если он остается приверженным *и* к своему формальному критерию субстанции, *и* к тому взгляду, согласно которому в области явлений, т.е. в области единственного значимого применения этого понятия (категории), только то, что постоянно, следует считать субстанцией. Ибо очевидно, что такие обычные индивиды как Александр, Буцефал, и глыбы камня не являются постоянными, но начинают свое существование и исчезают из него» [5, Р. 271]. Стросон замечает, что если последовательно провести кантовскую концепцию то «... только само постоянное формально соответствует понятию субстанции, т.е. несводимому субъекту предикации» [5, Р. 275]. В результате дальнейшего анализа схемы субстанции как постоянства во времени Стросон выводит заключение, согласно которому кантовскому понятию субстанции соответствует только «мир в целом, а не что-то в этом мире» [5, Р. 274]. Эти заключения Стросона показывают, что у Канта имеется непоследовательность в сочетании формального критерия субстанции и трансцендентального схематизма категорий. Тем самым трансцендентальный схематизм не может помочь нашему рассмотрению соотношения формальной и трансцендентальной логик, основанному на формальном критерии различения субстанции и акциденции, а следовательно, субъектных и предикатных терминов.

Сопоставим анализ Стросона с кантовскими соображениями по этой проблеме. В самом общем плане можно сказать, что если Стросон идет от языка к концептуальной схеме, то Кант движется в обратном направлении — от концептуальной схемы, представленной системой категорий и основоположений, к

языку⁴. Выделяя категории субстанции и акциденции, он пытается проанализировать их роль в языке, рассматривая, какие ограничения накладывает применение категорий субстанции и акциденции к терминам категорического суждения: «Так, функция категорического суждения была отношением субъекта к предикату, например, в суждении *все тела делимы*. Но в отношении чисто логического применения рассудка осталось неопределенным, какому из двух данных понятий нужно дать функцию субъекта и какому из них функцию предиката, ведь можно сказать также *некое делимое есть тело*. Но посредством категории субстанции, если подводить под нее понятие тела, определяется, что эмпирическое созерцание тела в опыте всегда должно рассматриваться только как субъект, а не как один только предикат» (В 128—129)⁵. Это высказывание важно для Канта, поскольку он включает подобные соображения в его изложение трех важнейших предпосылок, на которых основывается вся трансцендентальная философия. В «Метафизических началах естествознания» (1786) имеется следующее высказывание: «Если признать, что таблица категорий полностью содержит все чистые рассудочные понятия, а также все формальные акты рассудка в образовании суждений, акты, из которых эти категории выводятся и от которых они не отличаются ничем, кроме того, что объект посредством рассудочного понятия мыслится *определенным*, имея в виду ту или иную функцию суждений (например, в категорическом суждении *камень тверд* в качестве субъекта берется *камень*, а в качестве предиката – *тверд*, так, что рассудку не возбраняется поменять местами логические функции этих понятий и сказать: нечто твердое есть камень; напротив, если я представляю себе как *нечто определенное в объекте*, что при любом возможном определении предмета, а не только понятия, *камень* должно мыслить лишь в качестве субъекта, а твердость – лишь в качестве предиката, то те же самые логические функции становятся *чистыми рассудочными понятиями* об объектах, а именно в качестве *субстанции и акциденции*)» [2, с. 64 – А XVIII]. И в первом, и во втором изданиях «Критики чистого разума» можно найти и другие похожие отрывки -

⁴ Хотя и у Канта можно найти ход мысли от языка к концептуальной схеме. Когда он рассматривает метафизическую дедукцию категорий, выводящую таблицу категорий из таблицы суждений общей чистой логики, то ему приходится принимать во внимание языковые формы выражений суждений, разработанные в традиционной логике, хотя бы для того, чтобы построить классификацию этих суждений. Другое дело, что Кант опирается на стандартизованный фрагмент естественного языка, принятый в логике того времени.

⁵ В скобках приводится стандартная пагинация по первому (А) и второму (В) изданию «Критики чистого разума».

В 149, В 186, В 288, А 242/В300, А 348, А 401.

В контексте решения проблемы различения субъектных и предикатных выражений Стросоном бросается в глаза общность подхода «среднего» критерия Стросона и кантовского подхода, вводимого цитатой из «Критики чистого разума». Стросон говорит об эмпирическом факте как пресуппозиции введения в суждение партикулярии, Кант об «эмпирическом созерцании тела в опыте». Примечательно, что во фрагменте из «Метафизических начала естествознания» Кант отказывается от такого подхода, заменяя «эмпирическое созерцание тела в опыте» на «при любом возможном определении предмета». Последнее более соответствует трансцендентализму, однако, как показывает анализ Стросона, приводит к потере эмпирического характера различения субъектных и предикатных терминов. «Любое возможное определение предмета» вводит идею возможного опыта в его целостности, а значит, выводит нас за пределы любого единичного эмпирического созерцания. Все возможные определения предмета не могут быть даны в опыте.

Процитированные ранее отрывки их текстов Канта вводят в рассмотрение две идеи. Цитата из «Критики чистого разума» вводит представление об эмпирическом созерцании объекта, соответствующего понятию тела, которое должно рассматриваться как субъект категорического суждения, но не как его предикат. Следовательно, целью отбрасывания суждения, в котором понятия такого рода играют роль предиката, является стремление выделить *суждения, которые могут быть истинны на опыте*. Если ту же самую мысль выразить в более современной форме, то мы скажем, что это – суждения, имеющие эмпирическую интерпретацию. Цитата из «Метафизических начал естествознания» (МНЕ) вводит идею «любого возможного определения предмета». Эта мысль помогает нам уточнить положение из «Критики чистого разума». Ограничения, налагаемые ТЛ, говорят, скорее, не об эмпирическом созерцании, соответствующем понятию, но сообщают нам нечто о всех возможных способах созерцания предмета, т. е. о возможном опыте. Получающиеся суждения должны иметь интерпретацию в пределах возможного опыта. ТЛ отбрасывает суждения, которые не могут иметь интерпретации в терминах возможного опыта или не нуждаются в ней. Применение категорий представляет собой первую ступень такой процедуры. Вторая ступень состоит в ограничении применения самих категорий

условиями чувственного созерцания в трансцендентальном схематизме. Однако, как показывает анализ Стросона в случае категории субстанции, здесь мы встречаемся со значительными трудностями.

«Эмпирическое созерцание тела в опыте», о котором говорит Кант в отрывке из «Критики чистого разума», напоминает нам стросоновское понятие базисных партикулярий, к которым сводимы остальные партикулярии, возможно, не имеющие пространственно-временного статуса. В каком-то смысле Кант предвосхищает стросоновское решение проблемы — партикулярия как парадигма для логического субъекта, а выражение для распознающего обозначения партикулярий — как парадигма для выражений логического субъекта в языке. Кантовское «эмпирическое созерцание тела в опыте» практически совпадает с тем, что Стросон называет «распознавание базисных партикулярий». Тем самым кантовское условие говорит о том, что понятие может рассматриваться только как субъект в суждении, если существует способ распознавания какого-либо предмета этого понятия как базисной партикулярии. Стросоновское понимание опыта в этом отношении близко подходит к кантовскому, хотя и отличается от него. Приведу довольно длинную цитату из Стросона, иллюстрирующую его отношение к Канту в интересующем нас аспекте: «Опыт не следует понимать только как, так сказать, удобную связь с миром, дающую субъекту, использующему понятия, возможность начать свои действия по формированию суждений с ясной перспективой формирования истинных убеждений. Связь между суждением, понятием и опытом гораздо теснее, чем здесь предполагается. Само по себе даже недостаточно сказать, как это делает Кант, что для потенциального пользователя понятие о реальном ничтожно, если оно не связано непосредственно или опосредованно с возможным опытом реального. Конкретнее, как мы уже поняли, понятия, которые входят в наши базисные или наименее теоретические убеждения, в наши фундаментальные суждения представляют собой именно те понятия, которые наиболее глубоко и непосредственно входят в наш обычный опыт мира. Они представляют собой, то, что - если отвлечься от специального обучения – мы *воспринимаем* мир *в виде* примеров, то, что мы *видим* вещи и ситуации как *их* примеры. Нам не следует говорить, что суждения на этом уровне составляются на основе опыта. Скорее, нам следует говорить, что на этом

уровне суждения, понятия и опыт совпадают друг с другом, что видение и убеждение на этом уровне есть в действительности одно и то же. Конечно, в некотором смысле это преувеличение, поскольку суждения не только можно исправлять, но даже отложить, согласие с ними можно отрицать, мы можем отказываться верить в то, что говорят нам наши чувства. Но это только преувеличение, которое легко поправить» [6, р. 12].

Для нас интересен тот сдвиг в этой проблематике, который совершает Стросон по сравнению с Кантом. Стросон не опирается только на логику, он рассматривает проблему определения терминов, способных играть роль только субъекта или предиката, как она решается естественным языком. Хотя, конечно, учитывает и логические идеи, например позицию Фреге. Стросон в качестве образца для конструирования концептуальной схемы берет естественный язык и те познавательные процедуры, которые встроены в употребление языка. Пожалуй, в этом и состоит главный вклад Стросона в эту обсуждаемую еще со времен Аристотеля проблематику. Определение терминов, которые по преимуществу играют роль субъектов суждений, и терминов, которые по преимуществу играют роль предикатов, связано с встроенными в естественный язык познавательными процедурами, например, с процедурой распознавания конкретных предметов (партикулярий — в терминах Стросона), а также с различием действий обозначения и предикации. Важным вкладом Стросона в исследование проблематики различения субъекта и предиката в высказываниях естественного языка является его учение о пресуппозициях. Еще Фреге сформулировал понятие пресуппозиции в своей знаменитой статье 1892 года «О смысле и значении». Однако Стросон вводит в понимание пресуппозиций новый элемент — он связывает пресуппозиции с введением субъектных и предикатных выражений в суждения и открывает *эмпирический* характер пресуппозиций, связанных с введением в суждения партикулярий в качестве субъектов.

Литература

1. Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Вып. 26. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 148-167.

2. *Кант И.* Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 53-176.
3. *Стросон П. Ф.* Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики / пер. с англ. В.Н. Брюшинкина, В.А. Чалого; под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.
4. *Фреге Г.* О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика. Сборник трудов / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000.
5. *Strawson P.F.* Kant on Substance // Strawson P.F. Entity and Identity and other essays. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 268-280.
6. *Strawson P. F.* Subject and Predicate in Logic and Grammar. London: Methuen, 2004.
7. *Tonelli G.* Die Voraussetzungen zur Kantischen Urteilstafel in der Logik des 18. Jahrhunderts // Kritik und Metaphysik. Heinz Heimsoeth zum 80. Geburtstag. Hrsg. Von F. Kaulbach und J. Ritter. Berlin: Walter de Gruyter, 1966. S. 134-158.

Об авторе

Брюшинкин Владимир Никифорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии исторического факультета Российского государственного университета имени Иммануила Канта, VBriushinkin@kantiana.ru.

About author

Prof. Dr. Vladimir Bryushinkin, Head of the Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant State University of Russia, VBriushinkin@kantiana.ru.